

7. Рибачок С. М. Термінологічна лексика як засіб когезії економічного тексту : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / С. М. Рибачок. – К., 2003. – 20 с.
8. Сапожник І. В. Термінологія комерційного права : концептуальний аналіз / І. В. Сапожник // Гуманітарний вісник. Серія : Іноземна філологія. – Число 10. – Черкаси : ЧДТУ, 2006. – С. 372–375.
9. Сухачова Н. С. Структурно-семантичні й лінгвокогнітивні параметри англомовної терміносистеми менеджменту : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Сухачова Наталія Сергіївна. – Х., 2014. – 175 с.
10. The Language of Economics : The Analysis of Economics Discourse // Ed. by T. Dudley-Evans and W. Henderson – Modern English Publications with the British Council, 1990. – 116 p.

Лексикографічні джерела

1. Жданова И. Ф. Новый англо-русский экономический словарь / И. Ф. Жданова. – М. : Русский язык. Медиа, 2005. – 1028 с.
2. Rohacek K. Jerry. Economic Behavior / K. Rohacek. – Englewood Cliffs : Prentice Hall, Inc, 1989. – 414 p.
3. Understanding Business // Ed. By G. Wickels and M. I. Mc Hugh. – Mc Graw Hill : Irwin Mc Graw-Hill, 1999. – 806 p.

УДК 81'373:[811.161.1+811.163.2]

Г. Н. Гочев

Республика Болгария, Велико Тырново

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ (на материале русского и болгарского языков)

В статье анализируется понятие «эквивалентность», которое обозначает «равнозначность», что почти не наблюдается ни на уровне межъязыковых лексико-семантических соответствий, ни на уровне единиц перевода. Выявлены универсальные лексические характеристики,

которыми обладают члены межъязыковых эквивалентных пар и рядов как языковые знаки.

Устанавливается, что эквиваленты – это семантически соотносительные единицы, обладающие одинаковостью на уровне классов и родо-видовых отношений. Они «привязаны» к родо-видовой микросистеме и в зависимости от этого обособляются: а) эквивалентные инварианты, отражающие родо-родовые или видо-видовые отношения; б) эквивалентные варианты, отражающие родо-видовые отношения. Степень содержательной общности различна.

Ключевые слова: инвариантные и варианты межъязыковые эквиваленты, лексическая единица, межъязыковая коммуникация, родо-видовые отношения, семантические компоненты, семантический объем, семантический ряд, трансформация, эквивалентность.

У статті проаналізовано поняття «еквівалентність», яке позначає «рівнозначність», що майже не спостерігається ні на рівні міжмовних лексико-семантичних відповідностей, ні на рівні одиниць перекладу. Виявлено універсальні лексичні характеристики, властиві членам міжмовних еквівалентних пар і рядів як мовним знакам. Установлено, що еквіваленти – це семантично співвідносні одиниці, яким властива подібність на рівні класів і родо-видових відносин. Вони «прив'язані» до родо-видової микросистеми й залежно від цього виокремлюють: а) еквівалентні інваріанти, що відображають родо-родові або видо-видові відносини; б) еквівалентні варіанти, що відображають родо-видові відносини. Ступінь змістової спільності різний.

Ключові слова: еквівалентність, інваріантні й варіантні міжмовні еквіваленти, лексична одиниця, міжмовна комунікація, родо-видові відносини, семантичний обсяг, семантичний ряд, семантичні компоненти, трансформація.

The article analyses the concept of 'equivalence', which is rarely observed either at the level of inter-lingual lexico-semantic correspondences, or the level of translation units. The study is based on Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian dictionaries as well as translations contained in the Corpus of Parallel Russian and

Bulgarian Texts (<http://rbcorpus.com/>). The nature of 'equivalence' as such becomes apparent at the linguistic level where information provided by the sign is, according to A. Lyudskanov, 'free' of the differences arising from the division of the world by different languages and their national characteristics but rather represents universal content, which exists and is determined by the unity of the world and the thought patterns of all normal human beings. As linguistic signs, the members of inter-lingual equivalent pairs and sets possess at least five universal lexical characteristics: interrelationship with semantic classes, genus-species relationship between the words, meaning, sense, and collocation.

It is established that equivalents are semantically related units which are identical on the level of the class and the genus-species relationship. They are linked to the genus-species microsystem and, accordingly, we can differentiate between: a) equivalent invariants which reflect genus-species or species-species relationships, and b) equivalent variants which reflect genus-species relationships. The extent of content overlap varies: variants are modifications of invariants either narrowing or extending their semantic content. This variation does not alter substantially the content of the original word as the genus concept implicitly contains information about the species concept and vice versa.

Key words: genus-species relationships, interlingual communication, invariant and variant interlingual equivalents transformation, lexical unit, semantic components, semantic content, semantic line.

В современной сопоставительной лингвистике и теории перевода можно обособить два важных аспекта, изучающих соотношение лексико-семантических единиц двух языков – межъязыковой аспект и аспект межъязыковой коммуникации.

На межъязыковом уровне анализируется соотношение между лексико-семантическими единицами с точки зрения их принадлежности к словарным составам языков, устанавливаются их закономерные связи и определяется степень их эквивалентности, обеспечивающая межъязыковую коммуникацию.

На уровне межъязыковой коммуникации (перевода), наряду с соотношением эквивалентности, анализируется другой тип соотношения – трансформация.

В настоящей статье на материале русско-болгарских и болгарско-русских словарей, а также переводов, размещенных в Корпусе параллельных русских и болгарских текстов» (<http://rbcorpus.com/>), попытаемся выявить признаки межъязыковых соответствий, которые определяют их как эквивалентные.

«Эквивалентом, – пишет А. Рецкер, – следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [18, с. 74].

Проблема сущности лексико-семантической эквивалентности не раз обсуждалась в лингвистической и переводоведческой литературе. Ее анализировали как с точки зрения основных признаков математической, так и с точки зрения особенностей логической эквивалентности.

Математическая эквивалентность приравнивается к отношению одинаковости или неразличимости, а также обладает свойством взаимозаменяемости.

Лексико-семантические межъязыковые эквиваленты практически не обозначают одинаковости или неразличимости. Известно, что они, как правило, всегда отличаются друг от друга по каким-либо признакам – семантическим, синтаксическим, стилистическим, ассоциативным и т. п. Единственным признаком, сближающим их с математической эквивалентностью, является взаимозаменяемость, которую наблюдаем в переводах, где русский эквивалент заменяется соответствующим болгарским эквивалентом и наоборот, ср., например, русск. *сказать* «equival» болг. *кажа* «equival» русск. *сказать*: – *Что вы хотите сказать, Эльза?* – *Какво искате да кажете, Елза?* [4] – *Какво искате да кажете?* – *попита ме професорът с вледеняващ глас.* – *Что вы хотите этим сказать?* – *спросил профессор ледяным тоном* [8].

Однако в переводах могут взаимозаменяться не только эквивалентные соответствия, но и неэквивалентные слова, ср., например, русск. *сказать* «trans» болг. *добавя* «trans» русск. *сказать*: – *Сразу сказал: «Зачем полезли на телевидение? – И веднага добави: «Защо отидохте в телевизията?»* [23]; «... защото се изкашля предупредително и *добавя* с друг тон: ... – ...потому что он многозначительно кашлянул и *сказал* уже

другим тоном:...» [13]. Взаимозаменяемость этого типа характерна для переводческих трансформаций.

Не обладают лексико-семантические эквиваленты и признаками логической эквивалентности, основывающейся на истинности ('истина' и 'ложь'): с определенной оговоркой мы можем признать, что замены *сказать – кажа* и *кажа – сказать* отвечают требованиям истинности, но не можем утверждать, что замены *сказать – добавя* и *добавя – сказать* содержат ложную информацию. Эти замены проистекают из контекста высказывания, вписываются в него и, как правило, не нарушают истинности высказывания в оригинале, хотя и содержание исходного слова, функционирующего в нем, меняется.

Все это отражает неоднократно отмечаемую противоречивость термина 'эквивалентность' – он обозначает 'равнозначность', что почти не наблюдается ни на уровне межъязыковых лексико-семантических соответствий, ни на уровне единиц перевода.

Абстрагируемся от неточности термина 'лексико-семантическая эквивалентность' по сравнению с пониманием эквивалентности в математике и логике и попытаемся выяснить на каком основании существует и функционирует этот термин в лингвистической науке. Или более конкретно: что дает нам основание соответствия типа *сказать – кажа* относить к эквивалентам, а соответствия типа *сказать – добавя* не воспринимать как эквиваленты.

Вслед за А. Людскановым, будем считать, что знаки содержат определенную информацию, которая формируется путем сопоставления знаков с зафиксированными в долговременной памяти субъекта данными о действительности, отражающими накопленные опыт и знания об окружающем мире [13, с. 56–92]. В процессе коммуникации эти знания выступают в качестве своеобразного языка-посредника, который лежит в основе понимания сообщения. Согласно семиотической теории перевода А. Людсканова, понимание сообщения, составленного из знаков, и соответственно понимание знаков, осуществляется на референтном и лингвистическом (содержательном и формальном) уровнях.

На референтном уровне понимание проистекает из «непосредственного чувственного восприятия референта, ... с которым сопоставляется действительность» [13, с. 91], Содержательное лингвистическое понимание (по А. Людсканову – понимание по существу) устанавливается на основе закодированной в форме соответствующего языка информации о действительности [Там же]. Формальное лингвистическое понимание (по А. Людсканову – понимание по форме) устанавливается на основе информации об означающем, которая однозначно связывает означающее из одного языка с определенным означающим из другого языка [13, с. 91].

Как известно, языки членят мир по-разному, что приводит к различиям в содержании слов и невозможности говорить об абсолютной эквивалентности. Но определение различных межъязыковых пар как эквивалентных, независимо от наличия различий, дает основание считать, что на каком-то уровне понимания знака существует одинаковость.

Ее, вероятно, следует искать на лингвистическом уровне по существу, где информация знака, как пишет А. Людсканов, «свободна» от различий, порожденных членением мира разными языками и их национальными особенностями, и репрезентирует общечеловеческое содержание, установленное и существующее благодаря единству мира и закономерностям мышления всех нормальных людей [13, с. 95].

Являясь языковыми знаками, члены межъязыковых эквивалентных пар и рядов обладают, по меньшей мере, пятью универсальными лексическими характеристиками – семантическими компонентами лексического значения; родовидовыми отношениями между словами; значением, смыслом и сочетаемостью [2, с. 128–158].

Семантические компоненты делятся на четыре класса: «ОБЪЕКТ (не путать с объектом в грамматическом смысле!), ДЕЙСТВИЕ, АБСТРАКЦИЯ и ОТНОШЕНИЕ» (выделены Д. Бикманом и Д. Келлоу) [2, с. 130]. К объектам ученые относят неодушевленные предметы и одушевленные существа (включая сверхъестественные); к действиям – действия и процессы; к абстракциям – качества и количества; к

отношениям – соотношения между любыми двумя объектами, действиями или абстракциями [2, с. 132]. Родо-видовые отношения в пределах класса систематизируют номинативные единицы, обозначающие видовые понятия, объединяя их в различные видовые (семантические) ряды с общим (родовым) для всех членов ряда компонентом.

Анализ большого массива русско-болгарских эквивалентов из двуязычных словарей, а также их функционирование в русско-болгарских переводах, во-первых, подтверждает известный факт, что значения, смыслы и сочетаемость, как правило, не могут совпадать полностью; во-вторых, выявляет одинаковость классов (объектов, действий, абстракций или отношений) членов эквивалентной пары, а также одинаковость их соотношенности с родовым и видовым понятиями. Это означает, что «свободными» от языковых различий и национальных особенностей являются классы, к которым относятся эквиваленты, и их соотношенность с родо-видовыми понятиями.

Рассмотрим соответствия русского слова *корзина*, которое в переводах, кроме эквивалентной замены *кошиница*, получает и трансформационную замену *кофа* (русс. *ведро*):

Точно так же он купил у продавца абрикосов сразу всю корзину, – затем удалился со своими покупками. – Направил същото и при продавача на кайсии, купил цялата кошиница и си тръгна с покупките [32].

Через два дня он уже лежал рядом с корзиной углей и смотрел, как работает Дарья Петровна. – След два дена той вече лежеше край кофата за въглища и гледаше как работи Дария Петровна [7].

Итак, что дает нам основание соответствие типа *корзина* – *кошиница* считать эквивалентным, а соответствие типа *корзина* – *кофа* и не считать эквивалентным.

Рассмотрим эти соответствия с точки зрения различий и их универсальных лексических характеристик.

В словарях значение слов *корзина* и *кошиница* описываются следующим образом: ‘плетёное изделие из прутьев, драмки, камыша и т. п., служащее для упаковки, хранения, переноски

чего-л.' [14] – ‘сѣд, изплетен от прѣчки, **не много дълбок**, обикновено с широко дъно и **с дръжка отгоре**’ [16].

Толкования, хотя и не очень точные, подсказывают определенные различия в значениях этих слов. В русском толковании отсутствует, например, ‘с дръжка отгоре (русск. *с ручкой сверху*)’, что отличает значения болгарского слова *кошница* от обозначения другого плетеного изделия *панер* (‘корзина без ручки для белья и т. п.’).

Различаются они также как своей свободной, так и связанной сочетаемостью:

а) наряду с совпадающими сочетаниями (*ивовая* корзина – *върбова* кошница) наблюдаются и несовпадающие (*берестяная* корзина – **брезова* кошница; *бельевая* корзина – кош / кошница *за бельо*);

б) в отличие от русского *корзина* болгарское *кошница* активно функционирует в составе фразеологизмов, ср.: *здрав като кошница*; *плетя си кошницата*; *изплитам си кошницата*; *тръгвам с голяма кошница* и т. д.

Независимо от различий, *корзина* и *кошница* являются общепризнанными эквивалентами и основанием их отнесения к эквивалентам служит их одинаковость на уровне классов и родо-видовых отношений. Она проистекает из объективного знания носителей различных языков основных признаков предметов и явлений действительности. Именно этой одинаковостью обусловлена семантическая общность между межъязыковыми соответствиями, которая и определяет их эквивалентность, ср.:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>корзина</i>		<i>кошница</i>
Класс	неодушевленный объект (предмет)	=	неодушевлен обект (предмет)
Род	‘плетеное вместилище’	=	‘плетено вместилище’
Вид	<i>корзина</i> , <i>корзинка</i> , <i>плетенка</i> , <i>лукошко</i> ; <i>гондола</i>	=	<i>кошница</i> , <i>кошничка</i> ; <i>панер</i> , <i>панерче</i> ; <i>кош</i>

Выделенные выше основные универсальные характеристики значений эквивалентов перекликаются также с

экспериментально установленными Р. Миньяр-Белоручевым степенями информационного запаса, представляющего собой «сведения, которые получает коммуникант, связывая языковой знак с действительностью...» [15, с. 50]. Р. Миньяр-Белоручев расклассифицировал информацию, которая ассоциируется у коммуникантов с языковыми знаками, на пять групп [15, с. 50–51], первые три из которых имеют непосредственное отношение к определению характера лексической эквивалентности.

1. Информационный запас 1-й степени предполагает соотнесение лексической единицы с той или иной областью знаний, т. е. предполагает распределение обозначаемых по классам.

2. Информационный запас 2-й степени связан с распределением обозначаемых по родам.

3. Информационный запас 3-й степени можно охарактеризовать «видовой отнесенностью» [15, с. 51].

Все это подтверждает универсальность анализируемых характеристик, т. е. носители всех языков обладают знанием о классах номинативных единиц и их родо-видовых отношениях. А это уже дает основание искать признак ‘эквивалентность’ лексических единиц в универсальности познавательных приемов, направленных на выделение и распознавание (идентификацию) номинативных единиц.

Одинаковость универсальных характеристик может сопровождаться довольно большими различиями в значениях эквивалентов, порожденными национальными особенностями носителей языка и спецификой их языковой системы. При установлении эквивалентов эти особенности игнорируются. В качестве примера можно привести эквиваленты (*транспортная развязка* и (*транспортен*) *възел*, где один и тот же объект (предмет) получил в русском и болгарском языках наименование на основе противоположных ассоциаций: (*транспортная*) *развязка* ‘сооружение для беспрепятственного движения в месте, где дороги **разъединяются**’ – (*транспортен*) *възел* ‘сооружение для беспрепятственного движения в месте, где дороги **соединяются**’.

Приведенные выше соответствия (*корзина – кошица; развязка – възел*) традиционно определяются как эквиваленты.

Эквивалентами их делает принадлежность именуемого ими факта действительности к одному и тому же классу, роду и виду. Это и есть та одинаковость, которая позволяет условно назвать их эквивалентами.

Основанием не относить второе соответствие *корзина – кофа* к эквивалентам и считать его трансформационным служит отсутствие совпадения указанных выше универсальных характеристик. Независимо от наличия между ними определенной семантической связи, которая позволяет осуществить в переводе замену эквивалента *кошица* близким по значению словом *кофа*, *корзина – кофа* не являются эквивалентами. Дело в том, что предметы, обозначаемые этими словами, входят в различные родо-видовые отношения, т. е. относятся к различным семантическим рядам, ср.:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>корзина</i>		<i>кофа</i>
Класс	неодушевленный объект (предмет)	= =	неодушевен объект (предмет)
Род	‘плетеное вместилище’	= ≠	‘металлическая емкость’
Вид	<i>корзина, корзинка, плетенка, лукошко; гондола</i>	= ≠	<i>кофа, тенджеря, туба, варел</i>

Межъязыковые эквиваленты в пределах координатной микросистемы родо-видовых отношений располагаются по горизонтали и вертикали. По горизонтали, на уровне межъязыковых родо-родовых и видо-видовых отношений, обособляем **инвариантные эквиваленты**, а по вертикали, на уровне родо-видовых отношений, – **вариантные эквиваленты**. Эти разновидности характеризуются различной степенью содержательной общности.

Инвариантные межъязыковые эквиваленты представляют собой соответствия, в которых значение русских и болгарских лексических единиц связаны по горизонтали, т. е. соотносятся с одним и тем же родовым или видовым понятием, ср., напр.:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>говорить</i>		<i>говоря</i>
Класс	действие		действие
Род	<i>говорить</i> ¹ (‘пользоваться, владеть устной речью’)	=	<i>говоря</i> (‘използвам, владея устната реч’)
Вид	<i>рассказывать, разговаривать, знать</i>	=	<i>разказвам, разговарям, зная</i>

Эквивалентность «горизонтального» межъязыкового соответствия *говорить* – *говоря* обеспечивается принадлежностью его членов к одному и тому же родовому понятию: – *Молчите и ничего не отвечайте, – сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог говорить. – Мълчете и не ми отговаряйте нищо – каза Ваг на слона, сякаш той можеше да говори* [3].

Эквивалентность единиц, отражающих видовые понятия, обусловлена одинаковостью соотнесенности с одними и теми же видовыми понятиями (*рассказывать* – *разказвам, разговаривать* – *разговарям, знать* – *зная*), относящимися к одному и тому же родовому понятию (*говорить* – *говоря*).

Эквивалентность рассматриваемых видовых понятий подтверждается также их способностью выступать в роли родовых, и включать в свой видовой ряд исходное родовое понятие (*говорить* – *говоря*). Ср.: *разговаривать* – *разговарям*:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>разговаривать</i>		<i>разговарям</i>
Класс	действие	=	действие
Род	<i>разговаривать</i> (‘вести разговор’)	=	<i>разговарям</i> (‘вода разговор’)
Вид	<i>беседовать, беседовать, говорить, объясняться</i>	=	<i>беседвам, събеседвам, говоря, обяснявам се</i>

¹ Впрочем, *говорить* формирует еще три родо-видовые микросистемы: ‘вызывать чувства, мысли, выводы и т. п.’ – *внушать, подсказывать, предсказывать*; ‘служить свидетельством’ – *свидетельствовать, подтверждать, указывать*; ‘получать выражение’ – *сказываться, проявляться*.

Итак, соответствия, которые соотносятся с одними и теми же родовыми или симметрично расположенными в координатной микросистеме видовыми понятиями в русском и болгарском языках, определим как **эквиваленты-инварианты**. Они характеризуются большой степенью семантической общности: *говорить – говоря, рассказывать – рассказам, разговаривать – разговорам, знать – зная*.

Вариантные межъязыковые эквиваленты выявляются по вертикали. В них значение исходной лексической единицы соотносится с родовым понятием, а значение переводной лексической единицы – с более узким по объему видовым понятием (или наоборот), ср.:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>говорить</i>		<i>говоря</i>
Класс	действие	=	действие
Род	<i>говорить</i> (‘пользоваться, владеть устной речью’)	=	↓ <i>говоря</i> (‘использую, владею устна реч’)
Вид	<i>рассказывать, разговаривать, знать</i>	=	↑ <i>рассказам, разговорам, зная</i>

*Мне казалось, ты **говорила** про какой-то роман? – Стори ми се, че **разказваше** за някакъв роман? [4]; Э-эх, наплевать! – презрительно и с отвращением прошептал Раскольников, как бы и **говорить** не желая. – Е-ех, плюя на това! – презрительно и с отвращением прошептал Раскольников, сякаш не желаеш да **разговаря** [11]; И почему так хорошо **говорит** по-русски? – И откъде **знае** толкова добре руски? [6].*

Эквиваленты-варианты типа *говорить – рассказам, говорить – разговорам, говорить – зная* содержат неравноценную информацию (родовое – видовое понятие) и характеризуются меньшей степенью содержательной общности по сравнению с эквивалентами-инвариантами.

Основные свойства вариантов также связаны с универсальными характеристиками лексических значений.

1. Варианты могут выступать в качестве инвариантов и включать в свои видовые понятия исходный инвариант. Напр.,

рассказывать является видовым понятием по отношению к *говорить*, но выступая в роли родового понятия включает в состав своего видового ряда *говорить*, ср.:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>рассказывать</i>		<i>разказвам</i>
Класс	действие	=	действие
Род	<i>рассказывать</i> ('устно описывать события, случаи, истории')	=	<i>разказвам</i> ('устно описываю събития, случки и истории')
Вид	<i>повествовать, излагать, говорить, описывать</i>	=	<i>повествувам, излагам, говоря, описвам</i>

2. Вариант и инвариант могут выступать совместно в качестве видовых понятий, ср.: родовое понятие *говорить* и его видовое понятие *знать*, которые входят в видовой ряд родового понятия *владеть*:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>владеть</i>		<i>владая</i>
Класс	действие	=	действие
Род	<i>владеть</i> ('обладать какими-л. способностями, знаниями, навыками')	=	<i>владая</i> ('притежавам някакви способности, знания, навици')
Вид	<i>знать, говорить, понимать</i>	=	<i>зная, говоря, разбираю</i>

В процессе перевода осуществляется как замена эквивалента-инварианта эквивалентом-вариантом, так и эквивалента-варианта эквивалентом-инвариантом. Она сопровождается модификацией содержания исходной единицы, которая меняет в определенной степени информационные параметры русского исходного слова – происходит сужение или расширение семантического объема соответствия.

Поскольку модификация осуществляется в пределах системных родо-видовых отношений, она не приводит к резким изменениям содержания исходного слова – степень изменений незначительна, потому что в принципе родовое понятие

імпліцитно содержит інформацію о видовом понятіи и наоборот. Ср. соответствия: русск. **артист** – болг. «equival» артист – «concret» **актьор**» и русск. **актер** – болг. «equival» актьор – «general» **артист**:

	Русский язык		Болгарский язык
	<i>артист</i>		<i>артист</i>
Класс	одушевленное существо	=	одушевлено същество
Род	артист («исполнитель произведений сценического искусства»)	=	↓ артист («изпълнител на произведения на сценичното изкуство»)
Вид	актер, певец, музыкант, пианист, солист, иллюзионист	=	↑ актьор, певец, музыкант, пианист, солист, иллюзионист

Ср.: *В не меньшей, а в большей степени возненавидел он, ... поэта Пушкина и талантливого артиста Савву Потаповича Куролесова. – Не по-малку, дори още повече е намразил ... и поэта Пушкин, и талантливия актьор Сава Потапович Куролесов [6]; Хлодовский выглядел респектабельно, при галстук-бабочке, как у актера... – Хлодовски изглеждаше респектиращо, с папионка като артист... [25].*

Особенно важно подчеркнуть, что при вариантных заменах содержание исходной единицы не преобразуется (трансформируется), а видоизменяется (модифицируется) в сторону расширения или сужения семантического объема.

Эквивалентность выявляется на уровне «понимания по существу», на котором наблюдаем одинаковость основных элементов знания о фактах действительности. Эти элементы лежат в основе интерпретация данного факта действительности носителями различных языков, которая наряду с неизбежными различиями, порождает значительную общность содержательной стороны значений эквивалентов.

Между межъязыковыми соответствиями эквивалентного типа возникают отношения взаимосвязанности и взаимозависимости, что дает основание определить эквиваленты как семантически соотносительные.

В заключение отметим, что с точки зрения универсальных характеристик языкового знака эквиваленты представляют собой семантически соотносительные единицы, обладающие одинаковостью на уровне классов и родо-видовых отношений. Она «привязана» к родо-видовой микросистеме и в зависимости от отношений, возникающих в ней, обособляются: а) эквивалентные инварианты, отражающие родо-родовые (*артист – артист*) или видо-видовые отношения (*актер – актер*); б) эквивалентные варианты, отражающие родо-видовые отношения (*артист – актер; актер – артист*). По степени содержательной общности они неоднородны: варианты представляют собой модификации инвариантов, сужающие или расширяющие его семантический объем. Модификация не приводит к резким изменениям содержания исходного слова, так как в принципе родовое понятие имплицитно содержит информацию о видовом и наоборот.

Библиографические ссылки

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Бикман Д. Не искажая слова Божия... Принципы перевода и семантического анализа Библии / Д. Бикман, Д. Келлоу. – СПб. : Ноах, 1994. – 464 с.
3. БТР 1998: Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов [и др.]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. БТР 2008: Андрейчин Л. Български тълковен речник / Л. Андрейчин [и др.]. – София : Наука и изкуство, 2008. – 1134 с.
5. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология : на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
6. Гарбовский Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
7. Гочев Г. Обязательные и факультативные трансформации в структуре русско-болгарского словаря переводчика (на материале корпуса параллельных русских и болгарских

- текстов) / Гочо Гочев // Русский язык как инославянский. – Вып. III (2011). – Београд, 2011. – С. 133–143.
8. Карпов В. А. Языковые равенства и неравенства / В. А. Карпов // Вестник МГЛУ. Серия I. Филология. – 2001. – № 8. – С. 24–32.
 9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособ. / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
 10. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 717 с.
 11. Кочерган М. П. Основи зівставного мовознавства. / М. П. Кочерган. – К. : Академія, 2006. – 418 с.
 12. Латышев А. К. Технология перевода / А. К. Латышев. – М. : Академия, 2007. – 280 с.
 13. Людсканов А. Прежедат човекът и машината / А. Людсканов. – София : Народна култура, 1980. – 375 с.
 14. МАС: Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4 т / А. П. Евгеньева [и др.]. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
 15. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Московский лицей, 1996. – 208 с.
 16. РБЕ: Чолакова К. Речник на българския език / К. Чолакова [и др.]. – София : Българска Академия на науките, 1997–2008, т. 1–13.
 17. РБР: Влахов С. Руско-български речник : в 2 т. / С. Влахов, Т. А. Тагамлицка, А. Людсканов [и др.]. – София : Наука и изкуство, 1986.
 18. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – 2-е изд., стереотип. – М. : Р. Валент, 2007. – 240 с.
 19. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2006. – 204 с.
 20. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2007. – 448 с.
 21. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

Источники иллюстративных примеров

(Выходные данные источников см. на сайте <http://www.rbcorpus.com/>)

[3] А. Беляев. *Собрание сочинений в 8 томах. Том 8*. Превод З. Стайков; [4] А. Беляев. *Властелин мира*. Превод А. Траянов; [6] М. Булгаков. *Романы*. Превод Л. Минкова; [7] М. Булгаков. *Собачьё сердце*. Превод Б. Мисирков; [8] Б. Райнов. *Денят не си личи по заранта*. Перевод С. Никоненко; [11] Ф. Достоевский. *Собрание сочинений в десяти томах*. Превод Г. Константинов; [13] Б. Райнов. *Господин Никой*. Перевод А. Собкович; [23] А. Литвиненко. *ЛПГ – Лубянская преступная группировка*. Превод З. Петрова; [25] В. Пикуль. *Крейсера*. Превод Ю. Пенева-Павлова; [32]; Л. Соловьев. *Повесть о Ходже Насреддине*. Превод А. Далчев, превод на стиховете С. Бакърджиєв.

УДК 81'38;42

С. Я. Єрмоленко
Україна, Київ

МОВНО-ЕСТЕТИЧНІ ЗНАКИ ШЕВЧЕНКОВОЇ ПОЕЗІЇ В КОНТЕКСТІ ФІЛОСОФІЇ КУЛЬТУРИ

У статті йдеться про сучасне сприймання мовно-естетичних знаків поезії Шевченка. Письменники, композитори, скульптори, художники відходять від стереотипів образу митця, що були поширені в українській культурі. Міркування письменниці Марини Гримич, публіциста Юрія Макарова, композитора Валентина Сильверстова – це заглиблення у філософію мови Шевченка й підтвердження думки про цілісність української культури. У їхніх міркуваннях творчість Кобзаря існує над часом і простором, вони позбавлені штучної метамови, у цих працях утверджується філософізм та інтелектуалізм мови Шевченка.

Ключові слова: мовно-естетичний знак, слово Шевченка й музика, стереотипи образу Шевченка, філософія мови Шевченка, цілісність культури, Шевченкове слово.